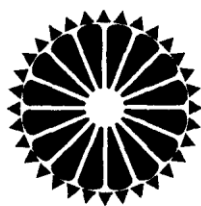

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000

В. М. КИРИЛЛИН

**СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ
В ЛИТЕРАТУРЕ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
(XI–XVI века)**

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000

ББК Ш5(2=Р)3

УДК 882.09

К 43

Кириллин В. М.

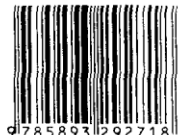
К 43 Символика чисел в литературе Древней Руси
(XI–XVI века). — СПб.: Алетейя, 2000. — 320 с.
ISBN 5-89329-271-5

Книга представляет собой впервые предпринятую в отечественной медиевистике попытку семантической интерпретации древнерусской литературной жизни как отображения средневековой христианской ментальности. Автор исследует библейские священные числа в качестве повествовательных элементов текстов. Раскрытие их символического назначения позволяет по новому взглянуть на внутренний мир писателей и читателей Древней Руси. Оказывается, характерное для них «умозрение в числах» есть своеобразный способ религиозно-художественного размышления о действительности, есть способ символического богословия.

Книга предназначена для историков, филологов и всех интересующихся русской средневековой культурой.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ),
проект № 99-01-16223*

ISBN 5-89329-271-5

9 785893 292718

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2000 г.

© Кириллин В. М., 2000 г.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий труд не является мистико-математической попыткой раскрытия тайны или секрета какого-либо культурно-исторического факта в духе дешифровок А. В. Зиновьева¹. Автора не интересует (как, например, поэта Велимира Хлебникова) мистическая закономерность числовых совпадений или соотношений в историческом бытии человечества вообще и судьбах конкретных людей в частности². Предметом исследования не является также прикладная магия «добрых» и «злых» чисел — по образу сочинений рецептурно-рекомендательной направленности³. Все это — область субъективных брожений интеллекта и интуиции, недоступная скромному разумению автора.

Научная проблема и смысл данной монографии определены очевидным фактом использования в духовных культурах прошлого типичных чисел, за которыми были

¹ Зиновьев А. В. 1) Тайна Откровения. Пророческие исчисления. Апокалипсис Иоанна Богослова. Владимир, 1990; 2) Тайнопись кириллицы. Разгадка логико-математической системы славянской азбуки. Владимир, 1991.

² См. статьи: «Учитель и ученик», «Разговор двух особ», «Наша основа». — Хлебников В. Собрание произведений / Под общей ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л., 1933. Т. V. С. 174–179, 183–186, 237–242.

³ Родриго П. Магическая сила чисел: Нумерология / Пер. с англ. М.: Золотой теленок, 1997.

закреплены особые — ирреальные, символические — значения. Такие числа (3, 4, 5, 7, 8, 9, 12, 15 и прочие) — прежде всего в рамках древнего и средневекового христианства — воспринимались как сакральные и в качестве таковых выполняли определенные функции, в частности, в литературных текстах. Поскольку специальность автора — литературоведение и история древней русской литературы, общая задача настоящего исследования и заключается в том, чтобы показать, какое место и какая роль отведены были священным, символическим числам в древнерусской литературной жизни, включая процесс создания и процесс восприятия текстов.

Таким образом, главным объектом изучения служит нумерологический материал древнерусских литературных памятников и его семантико-символическое содержание в контексте христианской средневековой культуры. Отсюда опорными категориями для исследования являются *символизм* и его частное проявление — *нумерология* как феномены средневекового сознания. С их разъяснения и должно повести речь.

Что касается второй категории, то в силу ее слабой культурно-исторической изученности ей посвящен специальный раздел работы, да и исследование в целом. А вот символизм как особенность христианского средневекового мировоззрения и творчества изучен достаточно хорошо. Поэтому здесь позволю себе лишь краткое и не оригинальное пояснение его существа. Но так как поле предстоящих изысканий — древнерусская литература — относится к восточнохристианской культурно-религиозной традиции, то пояснение это естественно ограничить только восточнохристианской богословской и философской мыслью.

Прежде всего необходимо отметить символичность главного источника и основания христианского веро-

учения — Библии, что понимал еще нехристианский толкователь Ветхого Завета, александрийский философ Филон-Иудей (I в.)¹. Помимо того что многие ветхозаветные образы суть символические прообразы Нового Завета, они также символически приоткрывают завесу духовного мира².

Соответственно Библии и христианство как миропонимание и образ жизни от начала пронизано символизмом. Последний, например, преимущественно отличал живопись Римских катакомб. Система ее художественных изображений — как рефлекс природного бытия, человеческой жизни, античной мифологии и Священной истории (оливковая ветвь, павлин, рыба, корабль, играющий на лире Орфей, пророк Иона, пастух с овцой на плечах и т. п.) — есть совокупность «чувственных знаков», предназначенных для того, «чтобы возводить мысль от данного предмета к представлениям иного рода и на них сосредоточивать внимание», — к вероучительным идеям о Боге, вечной жизни, загробном мире, будущем воскресении, спасении и прочим истинам Благовещения. Иными словами, определенные художественные образы древних христиан служили символической формой выражения определенных и понятных только христианам идей³. Вместе с тем среди христиан еще в эпоху гонений выработался специфический язык внутриконфессионального общения — по позднейшему отзыву блаженного Феодорита Киррского, «таин-

¹ История эстетической мысли. В 6-ти т. Т. I. Древний мир. Средние века в Европе / Ин-т философии АН СССР; Сектор эстетики. М.: Искусство, 1982. С. 250–252.

² Иванов М. С. К вопросу о богословии символа // ЖМП. 1984. № 4. С. 70–71.

³ Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике: Археология. СПб.: Сатисъ, 1995. С. 133–163.